

Еврейское счастье

По субботам и воскресеньям Иичка торговала хомяками на Птичьем рынке. Она шила им прелестные костюмчики, чтобы привлечь покупателей-детей. Говорила, что это костюмчики для прогулок, но виданное ли дело — гулять с хомяком?

Иичка привозила хомяков из ближнего Подмосковья, где проживала в собственном доме. Дом покосился и врос в землю, самый никудышный в поселке был дом. Он пришел в негодность после смерти дедушки и бабушки. Полы прогнили, двери все время приходилось обтесывать топором, чтобы кое-как закрывались, вместо стекол были вставлены куски фанеры, какие удалось отыскать в дедушкином сарае, так что внутри всегда было темно. Остро пахло хомяками — Иичка разводила зверьков во всех четырех комнатах, а особенно породистых держала в своей спальне — там теплее.

Мама всегда называла Иию Иичкой, так и повелось. Соседские детишки, не разобравшись, говорили — Яичко, но ей даже шло — кругленькая, миловидная, и говорит мелодично, нараспев. Только вот с каждым годом она все сильнее набирала в весе, любила поесть. А при ее бедности что можно поесть? Хлеб и картошку. К тридцати пяти годам Иичка уже с трудом наклонялась и страдала одышкой, поэтому и огород запустила, только одна яблоня еще плодоносила на участке, да заросли облепихи привлекали соседей...

Зато хомячий бизнес поглотил ее всецело. Бизнес был не ахти какой, хомяки то и дело болели или сдыхали, или теряли красоту — то у них появлялись залысины, то шерстка не лоснилась. Хозяйка кормила зверьков сеном, а им ведь тоже необходимы витамины. Кроме того, чтобы возить клетки на рынок и обратно, приходилось заказывать на дом такси. Влезать с ними в автобус, да еще при таком телесном весе было нереально. Так что расходы были немалые, а вот доходы смехотворные и нерегулярные. Зимой, к примеру, хомяков почти не покупали. Даже неясно, как ей удавалось сводить концы с концами, говорили, что помогал какой-то родственник из Тулы.

Но Иичке нравилось разводить хомяков и торговать ими. За десять лет коллектив на рынке почти не изменился, эти дружеские отношения согревали душу. Продавцы морских свинок, котят и щенят, конкуренты хомячники... Они даже больше, чем родственники, она все про них знает, а они про нее. "Как твой дымоход поживает, Иичка? Починил Василий-то?"

"А "Зингер" еще продавать не надумала? А то есть покупатель..." Ну и доверительные разговоры, и сплетни, на рынке она была как рыба в воде. Иногда поступали заманчивые предложения, в основном, поработать продавщицей на лотке или в киоске. И зарплата неплохая, и расходов никаких... зато при хомьяках она сама себе хозяйка. Она привыкла быть одна, и не питала иллюзий. Пару лет прожила с парнем из Молдавии, он хотел зацепиться в Москве, малярничал. К Иичке относился неплохо, даже помогал по хозяйству. Но вдруг пропал в неизвестном направлении, прихватив все наличные деньги, немецкий фарфоровый сервиз и старую мамину шубу изнутри. Иичка сменила замок и решила, что хватит доверять мужчинам.

И мама всегда повторяла — им нельзя доверять. Иичка родилась в Германии, ее отец был военнослужащим, мать учительницей музыки. После падения Берлинской стены отца перевели в Тбилиси. Вот там-то мама и заподозрила, что муж завел любовницу. Он приходил домой поздно, от супружеских отношений уклонялся, как мог. После нескольких тяжелых сцен супруг признался, что утратил мужские способности. Но это не помогло сохранить семью. Родители развелись, и отец никогда больше не появлялся в жизни дочери. Мама отправила Иичку в Подмосковьё к своим родителям, а сама еще пару лет прожила в Тбилиси, безуспешно пытаясь продать немецкое добро — мебель, портьеры, ковры, фарфоровые сервизы... Хорошей цены за них не давали, а переправлять в Москву было накладно.

Тем временем Иичка поступила в швейный техникум, хотя призвания к шитью не чувствовала. Зато она часами могла любоваться, как бабушка выклеивает из разных пород дерева картины по сюжетам русских сказок. Дедушка умер внезапно, от инфаркта. Не прошло и месяца, не успела внучка отойти от потрясения, как однажды ночью скончалась и бабушка. Денег в доме не было, Иичка пошла по соседям, но на похороны все равно не хватало. А мама, которую вызвали срочной телеграммой, приехать не смогла, у нее тоже не было денег. Поразмыслив, Иичка не стала покупать гроб, ведь это не решало проблему — гроб надо было доставить домой, затем заказать катафалк, дать "на лапу" гробокопателем... такие расходы были ей не по карману. Иичка купила бутылку водки супругам-пьяницам, и те помогли закопать бабушку в огороде. Первое время она немного опасалась неприятностей, но все обошлось — про бабушку никто не вспоминал...

Правда, одна неприятность все же случилась во время самих похорон. Когда они переносили тело к могиле, простыня неожиданно треснула, и старушка чуть не упала на землю. Иичка инстинктивно схватила ее за плечи, вплотную приблизив свое лицо к лицу бабушки. Но лучше бы она

этого не делала — от встряски изо рта трупа вышел такой зловонный дух, что внучка сразу же потеряла сознание. Она пришла в себя, когда испуганные соседи плеснули ей в лицо холодной водой... Судя по всему, событие это не прошло для Иички бесследно. С тех пор стала она какая-то вялая, сядет у калитки, задумается о чем-то, и даже на приветствия не всегда реагирует...

Техникум бросила, жила продажей вещей, отыскала бабушкино золотишко, дедушкин инструмент, скатерти дореволюционные, часы с боем, в общем, на первое время хватило... Заниматься хомяками Иичка начала из-за удивительного запаха их мочи. Как-то раз она зашла к соседке предложить хрусталь, и соседский сынок похвастался жирным хомяком в стеклянной банке. От банки исходил такой резкий и необычный аромат, что Иичка впервые перестала чувствовать удушливое трупное зловоние, которое теперь преследовало ее повсеместно — и в доме, и на улице, и даже во сне. Видимо, в мозгу произошло некое замыкание нервных окончаний, и она все время ощущала страшный запах, хотя в реальности его, разумеется, не было. Так она объясняла себе этот странный феномен, но легче-то не становилось. И вдруг! Запах хомяков начисто перебивал так измучивший ее бабушкин дух. "Зачем ты суешь эту банку тете под нос? Убери немедленно!" — прикрикнула на сына соседка. Но Иичка думала иначе. Все равно это запах жизни, для других он едкий, неприятный... но меня он спасет... уже спасает.

Через год подъехала мама из Тбилиси, привезла немного денег... Подруги юности, посетив ее раз-другой, больше не приходили. Мама во всем винила евреев — они, мол, затеяли Октябрьскую революцию, развалили Советский Союз, заняли важные посты в государстве и морят голодом русского человека. И даже в импотенции мужа виноват мировой сионизм... Как выяснилось спустя столько лет, обе мамы подруги были еврейками, мало того, и ее считали еврейкой, и были неприятно удивлены... Иичка не разделяла мамыны взгляды, но спорить было бесполезно.

Однажды, будучи проездом в Москве, их посетил мамин двоюродный брат, тульский бизнесмен. Он ужаснулся — мать и дочь опускаются на дно. Дом разваливается, крыша течет, работы нет, только эти вонючие хомяки повсюду, а на запущенном участке бродят соседские куры. Про бабушкину могилу родственнику не стали рассказывать, соврали, что сожгли бабушку в крематории. Брат предложил Иичкиной маме поехать с ним в Тулу, у его компаньона недавно родился сын, требуется няня с проживанием в доме. Оплата хорошая, за год можно было скопить крупную сумму.

Мама поехала, но через две недели возвратилась. Компаньон оказался евреем, его жена тоже. Она музыкант, а не жидовская прислужница!

В 1998-м, во время дефолта, мать перенервничала, ослепла и вскоре умерла. На этот раз с похоронами помог тульский дядя, племянницу он жалел. Осталась Иичка снова одна с хомьяками, а ей и не привыкать. Но в последнее время ее стало одолевать беспокойство, бояться жизни она стала, вот что. Каждый нормально прожитый день становился большой удачей, зато день грядущий таил в себе неведомые опасности, а ночью ей часто снились покойные родичи, с укором смотрели они на нее, мол, сделай же что-нибудь, так жить нельзя... А что нельзя? Что надо сделать?! Все ее родственники были худенькими, сухощавыми, она одна так раздалась. Может быть, это их раздражало? Или намекают, что нужно перезахоронить бабушку? Вряд ли, говорят, нехорошо тревожить прах умерших. Товарки по рынку стали замечать, что их Иичка какая-то издерганная, тревожная. Да и сама она не понимала причин своего волнения...

Она достала старые фотографии, и ей показалось, что она узнает эти лица... лица из ее снов. Что-то они хотят от нее, что-то молча, но настойчиво требуют. А если прошлое ее семьи окутывает страшная тайна? Родовое проклятие? Но у ее двоюродного дяди по бабушкиной линии все в порядке, значит... тайна кроется в дедушке. А он был единственным ребенком в семье, никаких родственников не осталось. Иичка методично перерывала старье, прощупывала подкладки вещей, проверяла слипшиеся страницы дедушкиных книг, прочитала все желтые письма, перетрясла истрепанные фотоальбомы, проверила полки шкафов и ящики комодов, обшарила подвал... Что она искала? Что-нибудь. Вспомнив про церковь, сходилa и туда. Священник объяснил, что ей надо креститься, и покрестилась. Но сны не отступали, наоборот, теперь родственники стали гораздо активнее, они ей что-то сердито кричали издалека, но слов было не разобрать. Их ворчливые голоса и днем, казалось, наполняли пространство сумрачного дома, и только на рынке Иичка ощущала себя в относительной безопасности.

Накануне Пасхи ей приснилось, что в дедушкином сарае под токарным станком зарыт скелет. Станка этого давно уже не было на месте, после смерти дедушки и бабушки она его продала. Да и сам сарай обвалился, лежит на земле бесформенной грудой догнивающих досок. Но Иичка почему-то сразу поверила в скелет и принялась разбирать завалы.

Скелет оказался на месте... Но что было делать дальше? Она не знала. Если кому-нибудь рассказать, или заявить в милицию, недолго и за решеткой оказаться. Разве там будут разбираться? Пришьют дело для от-

четности, и ничего не докажешь. А еще, чего доброго, перекопают участок и найдут бабушку... нет уж. В тайне исповеди она тоже сомневалась. Переложив череп и кости в хозяйственную сумку, Иичка пришла в церковь еще затемно, отстояла всю утреннюю службу с сумкой в руках, затем купила самую большую свечу и поставила за упокой неведомой души. Она действовала по наитию, ей казалось, что так правильно... А после незаметно закопала сумку на окраине кладбища. Дедушка явился той же ночью. Добряк при жизни, он был неузнаваем. Он топал на Иичку ногами, брызгал слюной, и смысл был понятен — он этого так не оставит! Бабушка и прочие родственники тоже висели в воздухе позади него. Бабушка плакала беззвучно и горько.

Проснувшись в холодном поту, Иичка не спала уже до утра. Ну что они хотят от нее? Чего привязались?! Она решила продать проклятый дом и переехать в однокомнатную квартиру. Вот только бабушку не хотелось оставлять чужим людям, да и опасно. Пришлось ей выкапывать и бабушку. И вот что поразительно — за десять лет лежания в земле почти все кости сгнили, не говоря уже об одежде. Осталось несколько позвонков, фрагменты берцовой кости и верхняя часть черепа, рядом с которым отдельно лежала седая бабушкина коса. Надо же, скелет в дедушкином сарае был почти целым. Но он хранился в других условиях, под крышей... Иичка знала, что в жарком сухом климате кости могут сохраняться тысячелетиями. А во влажном черноземе вот так, значит... А вдруг это соседские собаки выкопали и растащили бабушку? Да нет, что за чушь...

Иичка аккуратно собрала косточки, оберла их тряпками. Сумка не пригодилась — все, что осталось от бабушки, прекрасно поместилось в целлофановый пакет из магазина "Икеа", эти крепкие удобные пакеты ей иногда дарила продавщица кактусов. Она не понесла бабушку к заутрене, потому что ее старики были убежденными атеистами. Хотя годы, проведенные на том свете, могли изменить их убеждения... Поэтому, положив череп на мельхиоровое блюдо, Иичка обратилась к нему с вопросом — "Скажи, бабуля, ты хочешь, чтобы я пошла с тобой в церковь? Если хочешь, пусть пасьянс сойдется". Затем, водрузив блюдо в центр стола, разложила пасьянс, которому в свое время ее обучила бабушка. Но он не сошелся, и церковь пришлось отменить.

Бабушкины косточки она захоронила в изголовье дедушкиной могилы, делая вид, что сажает розовый куст. Им будет хорошо вместе, подумала Иичка, подставляя лицо ласковым весенним лучам. Она не спешила уходить с кладбища. Полюбовалась на памятники, угостила синичек хлеб-

ными крошками, провела маму, рассказала ей о своих планах. Пожилой кладбищенский работник предложил Иичке дружбу, и она немного с ним пококетничала, но для себя решила твердо — надо держаться подальше от мертвечины и всех, кто с ней связан. Приподнятое настроение не покидало ее до позднего вечера, она купила газету "Из рук в руки" и просматривала объявления о продаже домов и квартир, попивая чай с булочками и облепиховым вареньем.

А ночью снова вернулась тревога. Она вертелась с боку на бок, несколько раз включала лампу — пробовала читать, чтение вроде бы усыпляло, и она выключала свет, но в темноте сон куда-то улетучивался... Пыталась заснуть со светом, но лампочка вдруг перегорела, а идти за новой лампой в холодную кухню было неохота... решила считать до тысячи, это должно помочь. Иичка считала, но никак не могла отделаться от мысли, что в правом углу комнаты что-то смутно белеет. В этом углу всегда темно, там уже много лет стоит резной антикварный стул без ноги, и на него ничего класть нельзя — упадет. А тут что-то странное... стала вглядываться, и это ощущение усилилось. Что же она туда положила? Постельное белье? Но стирки давно уже не было... Хм, что-то большое, надо бы встать посмотреть... Но чем больше она всматривалась в предмет, тем спокойнее становилось на душе. Иичка зевнула, у нее начали слипаться глаза. Еще немного, и засну... завтра, все завтра...

И тут она услышала голос. Спокойный басовитый мужской голос, он негромко произнес: "Здравствуй, Иичка. Не бойся, я твой дедушка...". А она почему-то и не боялась. Ну, дедушка так дедушка. Наверное, пришел за бабушку поблагодарить. В комнате стало гораздо светлее, и свет явно исходил от таинственного предмета в углу. Да что в нем таинственного? Теперь Иичка отчетливо видела, что на стуле в углу комнаты сидит большой белый скелет. И хотя скелеты не могут улыбаться, он улыбался ей приветливо и спокойно. "Я пришел рассказать тебе правду. Да, я твой родной дедушка, звали меня Исаак Соломонович Петлах. С твоей бабушкой, Софьей Ароновной, мы жили очень счастливо... — скелет вздохнул. — А во время войны ее отправили в эвакуацию в Татарстан. И там она работала в школе, а я воевал, имею награды... ну вот, а как война закончилась, поехал я в эту Бугульму, Софочку свою забирать, а она мне и говорит — давай останемся, Изя, ну зачем нам та Москва? Тут люди хорошие, нам дадут отдельный дом, ты будешь главным ветеринаром в колхозе... ну и остались. Но прожили мы с твоей бабушкой недолго. Пятого апреля сорок шестого года родилась у нас дочурка, назвали Фаиной. Фаина Исаковна Петлах. Это и есть твоя мама..."

"Как это?! А как же моя мама Зоя? А бабушка с бабушкой?!" — Иичка была удивлена и взволнована, но все равно заметила, что в процессе рассказа скелет все больше и больше походил на человека. Да. На стуле сидела фосфоресцирующе-белая фигура, можно было разглядеть даже некоторые детали — крупные мясистые губы, высокий лоб, очки в тонкой оправе...

"В том-то и дело, Иичка, что те бабушка с бабушкой совсем не твои. Но слушай дальше, я расскажу все по порядку. Моя Софа умерла вскоре после родов, все-таки медицина была там ни к черту... варвары. До сих пор не могу простить себе, что не настоял на возвращении в Москву. Похоронил я Софочку, взял малышку Фаину, хоть ей месяца еще не исполнилось, и поехал домой, в Москву. Там ведь мама у меня, и сестренка младшая, да и вообще, не мог я уже в этой Бугульме находиться... Врачиха одна сильно визжала — куда, мол, с грудным ребенком, вы же его погубите... А я ей сказал, что в ихней дыре они сами кого угодно угробят, и еще прибавил кое-что... А все наши с Софочкой вещи сжег, ничего им не оставил. С собой взял только пару бутылок с разбавленным козьим молоком, соски, пеленки, и поехал Москву. Мы на трех поездах добирались, почти пять дней, сначала до Казани надо было... ладно, это неважно. В общем, устали мы, измучились страшно, а тут еще перед самой Москвой поезд вдруг встал. Там завал какой-то был на путях, проводник говорит — до утра будем стоять. А у меня все молоко уже закончилось, Фанечка кричит-надрывается, ну, я и решил — сойду, постучусь к кому-нибудь в дом, не откажут ведь покормить ребенка. И вот постучался... — голос привидения слегка задрожал. — Вышел я из поезда, смотрю — дома вокруг все темные, заколоченные, в одном только окошки светятся. Домик ладный такой, ухоженный. Постучал. Девять вечера было, хозяева еще не легли, сразу открыли. Ну, я им все объяснил, так, мол, и так... добираюсь в Москву издалека, поезд застрял на путях. Они нас с Фанечкой пустили, сразу воду поставили греть, а то она обкакалась вся, а у меня пеленок чистых уже не было... Хозяева эти мне понравились, молодая пара, бездетные. Фаня попила молочка и сразу заснула, а они стол накрыли, стали расспрашивать, кто мы, откуда... Они предложили у них переночевать, в вагоне, мол, холодно и неудобно... я согласился, конечно. Тут, говорят, на автобусе час до Москвы, мы вас завтра проводим. Кто же знал, что у них на уме такое злодейство? Хотя, справедливости ради... женщина не виновата, это все придумал ее муж. Это он мне сказал, что к туалету надо идти прямо по дорожке... а посреди этой дорожки у них была вырыта глубокая яма, для нового туалета. И в этой яме стояло две острых косы. Я оступился и, падая, перере-

зал себе горло. Вот интересно — если бы я остался жив, добил бы он меня или нет? Жене он заявил, что выпил лишнего и забыл про яму. Но она-то все поняла... Эти твои так называемые бабушка и дедушка не могли иметь детей, у мужчины было мертвое семя..."

— Ужас, ужас, какой ужас... — повторяла про себя Иичка. Она собралась с мыслями.

— А почему ты не рассказал об этом моей маме?

— Я пытался. Но она боялась меня, думала, что сходит с ума...

Иичка вспомнила, как срывающимся голосом мама уверяла ее, что евреи хотят свести с ума русских людей, подсылая им голографические фантомы. Что это новейшая разработка секретных американских лабораторий. Да... теперь она поняла... он доконал ее маму.

Белый дедушка нервно расхаживал по спальне, и его передвижениям не мешала ни мебель, ни хомячьи клетки...

— Они уничтожили все мои документы, записали на себя нашу Фанечку! Назвали Зоей!

— Значит... они удочерили ее как подкидыша?

— Какое там! Как собственную родную дочь!!

— Но ведь все вокруг знали, что бабушка не была беременной и не рожала, ну, то есть... бабушка Лида.

— Да кто все? Кто тут жил? Калека слабоумный да пара старух. Дезертиры еще прятались. А этот гад Ковров стрелочником работал на станции... Меня убили, а Фаню присвоили, вот и все дела. Ты должна найти своих родственников, Спивак Рахиль Соломоновна, в девичестве Петлах, так зовут мою младшую сестру... нет! Запиши чем-нибудь, вот ее адрес...

Иичка без труда разыскала престарелую Рахиль Соломоновну, и та сразу же признала в ней родную кровь. Это неудивительно, ведь Иичка, (как, впрочем, и ее покойная мать Фаина Исаковна), была вылитой Петлах — имела характерный овал лица, острый подбородок с маленькой ямочкой, широко расставленные круглые глаза, тонкие брови вразлет, придававшие лицам Петлах восторженно-удивленное выражение, густые черные волосы, изящные ушки, покатые плечи, молочно-белую кожу с многочисленными родинками, маленькие ступни... и многое другое, включая мелодично-распевный голос и тонкий раскатистый смех.

Сумку с костюми Исаака Соломоновича тайно выкопали и перезахоронили на Перловском кладбище, рядом с матерью и старшими братьями. Рахиль Соломоновна незамедлительно переписала на Ию половину иму-

щества, доставшегося ей в наследство от родителей, и та смогла купить двухкомнатную квартиру в хорошем районе Москвы. Дом Ковровых продали, а деньги перечислили в Фонд помощи еврейским детям-сиротам. Иичка сменила фамилию и даже имя, которое давно уже ненавидела. Теперь она зовется Фаиной и работает в туристической фирме тети Беллы, дочери Рахили Соломоновны...

Да... в этой истории, пожалуй, нет ничего поучительного, просто такая судьба, вот такое неожиданное везение. А сколько хороших людей до сих пор живет не на своем месте!

Москва

